

Интеллект – это осмысление знания.

Самоанализ никогда не был сильной стороной архимагоса Котова, но почувствовав необходимость собраться с мыслями, он нашёл только одно подходящее для этого место. Он ходил вокруг Ультор Марс, красного каменного стола в центре Адамативого Кивория – удивительно скромного помещения, которое располагалось в нижней части пирамиды соединённого оборудования и логических панелей – и водил пальцами с золотыми наконечниками по камню в центре, чувствуя каждую неровность плит, вытесанных из горы Олимп.

Камень был подарком генерал-фабрикатора, явной демонстрацией его одобрения и средством символического перенесения доминиона Марса за пределы галактики. Магос Тарентек сделал из него стол со стальными краями, где располагались самые лучшие навигационные системы Азурамаджелли, статистические когитаторы Блейлока и огромные аналитические ресурсы Криптаэстрекса. Сфера из серебряной проволоочной сетки и мерцавших алмазов висела прямо над центром стола, символизируя геоцентрический космос в представлении древних астрономов Птолемея.

С помощью Ультор Марс можно было управлять всей “Сперанцей”, установленные вдоль стен когитаторы и сложное оборудование соединялись со всеми жизненно важными элементами ковчега Механикус. Он помнил, как старшие командиры встретились здесь перед полётом в Шрам Ореола, когда он впервые увидел спасательную капсулу “Томиоки”.

Несмотря на ожидавшиеся впереди несомненные трудности царило настроение осторожного оптимизма, невысказанное чувство, что они и в самом деле могут добиться успеха. Котов тщательно отбирал группу, которой идеалистическая природа его поиска придётся по душе: кадианский полковник, известный стойкостью перед невзгодами; реклюзиарх в поисках епитимьи и не страшившийся встречи с неизвестным космосом; и магосы, матрицы индивидуальности которых показывали склонность к вольнодумству и радикальным идеям.

Их собрание символизировало собой договор, но, как и у генералов Махария в прошлом, многочисленные испытания постепенно разрушали желание покинуть пределы известного космоса. Путешествие сюда дорого стоило всем им и даже самые стойкие – включая самого Котова – начали сомневаться в целесообразности продолжения экспедиции.

Но то первое упоительное волнение и оптимизм восстановились столь же полно, как Арктур Ультра и сияли столь же ярко. Все они видели Дыхание Богов в действии, и это было великолепно. Преобразование системы Арктур Ультра являлось ни чем иным как чудом и одного только факта рождения заново системы было достаточно, чтобы Котов вернулся на Марс героем. Виталий Тихон с дочерью хотели остаться и нанести на карту эту возрождённую область космоса, а также переписать безнадежно устаревшую информацию о галактической периферии.

Котов хотел исполнить их желание, но он знал, что истинная награда лежит впереди.

Он найдёт магоса Телока и триумфально вернёт на Марс.

Шестнадцать дней после возрождения звезды Катен Вения кузни магоса Тарентека работали круглосуточно, выпуская компоненты для ремонта повреждений, полученных в Шраме Ореола. Несмотря на пока ещё необъяснимую потерю нескольких технических бригад ниже ватерлинии “Сперанца” вернулась к прежней славе. С достаточным количеством ресурсов – некоторые вспомогательные суда пришлось опустошить полностью – фабрикатус ковчега гордо заявил, что полностью отремонтирует “Сперанцу” прежде чем они достигнут источника сообщений Адептус Механикус.

Сообщений, которые могли исходить только от магоса Телока.

Мысль о встрече с легендарным Потерянным Магосом наполняла Котова эмоциями, которые он давно считал забытыми за время возвышения в рядах Механикус.

Надежда соперничала со страхом, что обнаруженное может не оправдать ожидания.

Чем стал Телок? Если он повелевал Дыханием Богов, как могла изменить подобная власть человеческую душу? С властью божественного создателя в руках мог ли Телок измениться до неузнаваемости?

Котов отбросил подобный пессимизм, зная, что Омниссия не стал бы приводить их так далеко и показывать столь много только затем, чтобы разбить о скалы разочарования. Он и прежде проходил испытания и проверки – свидетельством этому являлась потеря миров-кузниц – но откровения Катен Вения и обнаружение планеты Телока стали доказательством, что их паломничество в неизведанный космос являлось божественно предопределённым.

Магос Сайиксек – вместе с одарённым магосом и технопровидцем с корабля Робаута Сюркуфа – сотворил чудо с двигателями, устремив ковчег сквозь космос со скоростью, которую Котов считал невозможной для “Сперанцы”. Линья Тихон и Азурамаджелли проложили курс, который при попутном ветре и семи футах под килем выведет их на орбиту планеты источника сообщений Телока в течение пятнадцати дней.

Котов прекратил ходить вокруг стола, когда понял, что больше не один.

- Вам здесь не рады, – произнёс он Галатее, вошедшей в Адамантиевый Киворий.

Машинный интеллект развернул неуклюжие ноги, встав в полный рост, манекен-техножрец повернулся на триста шестьдесят градусов, осматривая помещение. Ослабленные соединения между мозговыми колбами замерцали, прежде чем скрыться за выдвинувшимися из паланкина панелями.

- Мы надеемся, что вы не замышляете здесь никакой глупости, Лексель, – произнесла Галатее,

прохаживаясь вокруг стола. - Вы же не ищете способ забрать у нас контроль над "Сперанцей"?

Котов покачал головой и встал напротив Галатеи:

- Нет, я просто наслаждаюсь одиночеством в Кивории, - подчёркнуто произнёс он.
- Странно, мы никогда не считали вас склонным к самоанализу. Мы не думали, что ваше эго способно испытывать неуверенность или потворствовать рефлексии.
- Тогда вы знаете меня не так хорошо, как думаете.
- Возможно, не знаем, но вы не ответили на вопрос.

Котов поднял и широко развёл руки:

- Какой смысл? Вы уничтожите "Сперанцу" раньше, чем вернёте управление, не так ли?
- Так, - согласилась Галатея.
- Вы планируете когда-нибудь вернуть мой корабль?
- Ваш корабль? - рассмеялась Галатея, протянув несколько гибких механодендритов и вставив их в разъёмы центрального стола. - Вы берёте на себя слишком много.

Гололитические планшеты выскользнули из стола, проектируя трёхмерную каркасную диаграмму "Сперанцы". Галатея вытянула руку и повернула изображение ковчега Механикус тактильными жестами, как ребёнок, беспечно забавлявшийся с новой игрушкой.

- "Сперанца" теперь наш корабль, - продолжила Галатея. - Попытка отделить нас от неё станет самым неудачным вашим поступком, особенно когда мы так близко к нашей цели.
- Когда вы говорите мы, вы имеете в виду вас и меня или это просто раздражающее жеманство?

Серебряные глаза Галатеи вспыхнули развлечением.

- Обоих. Никого. Решайте сами.
- Твои игры у меня в печёнках сидят, мерзость, - не выдержал Котов, наклоняясь и ставя ладони на красный камень Марса. Благодаря микродатчикам в пальцах он чувствовал

структуру и ощущал химический состав камня, черпая силы из воспоминаний о марсианском наследии.

- У вас нет печени, Лексель, - сказала Галатей. - Как и сердца, лёгких, живота и центральной нервной системы. Единственной органической частью тела осталась голова, хотя и она является химерическим сплавом плоти и машинных частей. В моём теле больше органики, чем в вашем.

- Может и так, но я - всё ещё я, и у меня есть душа. Я родился Лекселем Котовым, и я всё ещё - Лексель Котов. Что вы такое? Мерзкое чудовище, которое существует, только вырывая мозги у несчастных жертв. Вы были ничем, пока Телок не создал вашу нейроматрицу. Тогда вы были не тем, чем стали сейчас и если продолжите существовать, то снова станете чем-то другим.

- Напоминает эволюцию, Лексель, - ответила Галатей, лукаво взмахнув пальцем. - Мы не можем придумать более естественного и биологического процесса.

- Вы не развиваетесь, вы самосоздаёте. В вас нет искры Омниссии.

- Разве мы это уже не проходили, Лексель? - спросила Галатей с искусственным преувеличенным вздохом. - Мы оба - паразиты, продолжающие существовать только благодаря присвоению органов и жизненно важных жидкостей других. Единственным отличием является наше появление. Вы, хотя это трудно сейчас представить, родились в результате грязного и неэффективного биологического процесса, подверженного мутациям и распаду, а мы - возвышенное существо, недавно созданное и превосходящее смертных, и нас возмущает, что вы считаете нас ниже себя.

Котов и Галатей стояли друг напротив друга над тёплым камнем священной горы Марса. Между ними не возможно никакое соглашение, никакое сближение и никакое мирное сосуществование. В какой-то момент Котов собрался отдать приказ убить Галатею, но как сделать это и сохранить корабль в целости - вот проблема, которую он не мог решить.

Но в одном он был уверен.

- Чего вы хотите? - спросил он. - Чего вы на самом деле хотите?

- Вы знаете это. Мы хотим убить Веттия Телока.

- Я не верю вам.

- Ваша вера не имеет значения.

- Тогда скажите, почему вы хотите убить Телока? Он - ваш создатель, почему вы желаете ему смерти?

Галатея убрала механодендриты со стола и сложила за спиной, как жало скорпиона. Машинный интеллект излучал враждебность, соединения между заполненными гелем мозговыми колбами мерцали с электрической деятельностью.

- Что за создатель вдыхает жизнь в творение, а затем бросает его? - резко спросила Галатея. - Даже мстительный бог Старой Земли интересовался творением своих рук.

- Не все создатели доброжелательны, - ответил Котов. - И не все творения оказываются такими, как задумал создатель. Журналы экспериментов Механикус и мифические циклы не знают недостатка в рассказах о таких непродуманных ошибках, которые сами же создатели уничтожили в отвращении.

- Как и о создателях, которые были уничтожены своими творениями.

- А если вы убьёте Телока? Что тогда?

- Тогда мы заберём Дыхание Богов. И галактика узнает, на что способен машинный интеллект.

Ледяные ветры обдували склоны чёрно-серебряной горы, всё такие же холодные, какими он помнил их с тех пор, как поднимался по гальке замёрзшей реки к крепости Старокровных. Недавно выпавший снег был по колено, как и тогда, цеплялся за штаны из оленьей кожи и промокал до ног. Воюющие ветры подхватывали снег с земли, швыряя ему в лицо и заслоняя гору.

Арло Лют пробивался сквозь снежную бурю, плотнее закутываясь в облегающий плащ из медвежьей шкуры. Он не был создан для такой погоды: слишком высокий и худой, без намёка даже на каплю жира. Холод пронзал его насквозь, пробирая до костей и высасывая остатки тепла из тела.

Триста лет прошло с тех пор, когда он в последний раз следовал этим путём, три долгих века войны, которая видела его превращение из тонкокостного юноши, первым сумевшими добраться до канидайского логова. Он помнил себя неопытным юнцом, все мысли которого были только об охоте, грабежах и распутстве.

Всё закончилось, когда в разгар зимы с горы спустились жрецы в одеждах из волчих шкур и потребовали ежегодную кровавую жертву от племён Локабранны. Каждый ребёнок старше десяти зим должен был совершить путешествие к месту испытаний, где их ладони разрезали чёрной перчаткой с когтями, а кровь собирали в оправленной зубами чаше. Каждый ребёнок становился на колени перед жрецом с пылающими за волчьей маской зелёными глазами, пока татуированный с головы до ног бритый трэлл держал раненые руки возле головы. Лют вздрогнул, вспомнив агрессивное присутствие внутри черепа, бесцеремонное вторжение в самые сокровенные мысли. Теперь он знал, что это санкционированный псайкер легио проверял пределы его синаптических связей и устойчивость мозговой архитектуры. Слова псайкера навсегда определили его будущее:

- Уровень принцепса.

В тот день он оставил всё и направился в чащу леса в предгорье. Он ожидал жизнь полную славы и привилегий, но такую жизнь предстояло заслужить. Жрецы молча покинули его у подножия чёрно-серебряной горы и указали, что он должен подняться до крепости Старокровных.

И он поднимался три дня сквозь метели, лавины и оползни. Он поднимался, хотя пальцы на руках и ногах почернели от холода. Он поднимался мимо ледяных статуй великих канидайских воинов-титанов с железной кожей и карабкался по острым, как бритва вулканическим камням, служивших непреодолимым препятствием для всех кроме избранного, посмевшего приблизиться к колоссальным покрытым льдом воротам в склонах чёрно-серебряной горы.

Умиравший от переохлаждения и почти покалеченный обморожением, он упал на колени и застучал замёрзшим бесчувственным кулаком по огромным воротам. Хотя он не слышал, как открылась дверь, и не почувствовал, как кто-то приблизился, рядом неожиданно возник человек, закутанный в шкуры животных, бронзовые пластины и жёсткий плащ из промасленной кожи.

Только глаза было видно сквозь покрытый инеем бурнус, жёлтые сферы с машинной схемой позади хищного блеска.

- Первый урок, - проворчал человек. - Никогда не становись на колени.

И Лют больше никогда не становился, ни разу.

Годы брали своё и его некогда стройное и великолепно сложенное тело превратности и потребности войны превратили в неуспокоенное приведение, навечно заключённое внутри саркофага с поддерживавшими жизнь жидкостями.

Лют посмотрел на своё тело. Оно было таким же, как он помнил во время первого подъёма, стройное и гибкое - почти высокое для его веса. Он повёл плечами и продолжил идти по снегу к заросшему деревьями горному хребту, где он остановился в первую ночь, когда ещё думал, что восхождение на чёрно-серебряную гору пройдет гладко.

Эрик Скэмьлд ждал его, сидя у сверкавшего зелёным пламенем костра с подветренной стороны камня размером с голову "Владыки войны". Подобно тому, как Лют пришёл на это место, каким он себя помнил, таким же пришёл и Лунная Синь. Если Лют был высоким и стройным, то Скэмьлд обладал телосложением борца: широкоплечий, мясистый и с короткой шеей. Он носил спутанные меха, проволочные тотемы оборачивали его татуированные мускулистые руки. Он был без оружия, но это ничего не значило в месте, где они сами являлись оружием.

Горный кряж напоминал арену, окружённую с обеих сторон густыми дикими лесами

высокогорных вечнозелёных деревьев, а дальше всё было во тьме. Опушку засыпало снегом и тысячи глаз смотрели из темноты крошечными огоньками янтарного и чёрного цвета.

Они наблюдали, как Лют поднялся на хребет и остановился напротив Лунной Сини.

- Вы пришли, - произнёс Скамёльд.

- Ты сомневался?

- Такая мысль приходила мне в голову.

- Я - Альфа, как я мог не прийти?

- Вы чувствуете, что слабеете и боитесь, что я сильнее.

- Ты не сильнее меня, Лунная Синь.

Скамёльд пожал плечами. - Может быть. Пока мы не проверим - наши слова бессмысленны.

- Чего ты хочешь? Стаю?

Скамёльд кивнул, поведя плечами и оскалившись. - Да, именно это я хочу. Стаю.

- Ты не готов.

- Вот почему вы оставили "Канис Ульфрика", когда Стая отправилась на охоту?

- У тебя некомплект экипажа, - сказал Лют.

- Вы забрали его.

- Я - альфа и беру то, что мне нужно. Мне нужен новый модератус.

Скамёльд кружил вдоль опушки, он оскалился, а дыхание превратилось в рычание.

- Когда "Луна Капиталина" шагала по умирающему миру, я путешествовал в манифольде, - произнёс Скамёльд. - Я видел то же, что и вы. Вы снова вернулись на мир захваченный Великим Пожирателем. Остальные не видели, но я знаю вас лучше любого из них. Вы сломались.

- Хватит разговоров, Скамёльд, - прорычал Лют. - Я - Зимнее Солнце, а ты всего лишь - Лунная Синь.

- Есть только один способ покончить с этим. Кровь.

- Кровь, - согласился Лют. - Но в любом случае наши разногласия закончатся здесь. Соглашайся и мы покончим с этим. Здесь и сейчас.

- Согласен, - ответил Скамёльд, развёл руки и из кулаков выскользнули мерцающие когти.

Зимнее Солнце обнажил когти и атаковал.

Воинственный вой поднялся над чёрно-серебряной горой.

Когти рассекали, зубы рвали.

Кровь пролилась.

Без знакомых звёзд и известных областей Империи полированный картографический купол Виталия превратился в строгое полусферическое сводчатое помещение холодного металла и гулкого пространства. Умиравшая корона Арктур Ультра ослепляла "Сперанцу" и мешала увидеть, что лежит за пределами галактической границы, но когда она рассеялась, пустота внутри купола стала заполняться с каждой секундой. Мерцали новые солнца, далёкие галактические туманности прояснились и причудливо располагавшиеся мёртвые звёзды, которые ранние измерения обозначали давно погасшими, сверкали в обновлённых термоядерных реакциях.

Пустоши межзвёздного пространства, где всё должно было быть холодным и мёртвым, теперь оказались заполненными астрономическими детскими садами, где рождались новые звёзды. В этих новых плодородных регионах посеяли металлы и поддерживавшие жизнь химикаты, словно неизвестный садовник готовил почву для растений.

- А я ещё считал, что показания, полученные нами перед тем, как мы прибыли сюда были неправильными, - произнёс Виталий.

Энтоптические машины, работавшие под полированной поверхностью купола, проецировали вновь открытое пространство вокруг "Сперанцы" всё подробнее с каждым циклом топографов - Виталий не терял времени и, управляя рычагами на обитой деревом панели, каталогизировал всё, что мог.

Линья помогала ему, настояв, что чувствует себя достаточно хорошо, несмотря на полученные на "Томиоке" ранения. Синяки прошли, и не осталось никаких видимых следов столкновения со смертью, но Виталий ощущал, что её что-то сильно беспокоило, гораздо сильнее боли,

которую она могла ещё чувствовать.

- Ты видела? - спросил Виталий, указывая на звёздную систему, небесные тела которой вращались вокруг друг друга по хаотичным эллиптическим орбитам. - Спектральная и затменная тройная звезда. Три сине-белых звезды главной последовательности. Две на близкой орбите и похоже совершают оборот вокруг друг друга за девять терранских дней.

- И они в свою очередь совершают оборот вокруг третьей звезды за сто пятьдесят дней.

- Очаровательно, - сказал Виталий. - И подумай, мы даже не знали, что они здесь.

- Кто-то всё-таки же знал, - ответила Линья, сверяясь со старым тысячелетним табулусом астрономических записей. - Но их внесли находившимися на заключительных этапах существования и основывались на показателях света, которым уже были сотни тысяч лет. Они должны были стать сверхновыми.

- И всё же мы здесь, - сказал Виталий, отходя от пульта управления и приближая тройную звёздную систему тактильными движениями щёлкающих металлических пальцев. Звёзды увеличивались при приближении, они были грациозными и упорядоченными, словно часовой механизм первоначальных сил галактики.

Наблюдая за танцем звёзд, Виталий легко мог представить руку часовщика, поместившего их на небеса. Такие вещи он знал хорошо. Древние физические законы, появившиеся в первые мгновения рождения вселенной почти четырнадцать миллиардов лет назад, определяли их движение и свойства. Такие моменты являлись чудом и без участия творца.

- Наши предшественники прослезились бы, узрев то, что видим мы, - сказал он скорее для себя, чем для Линьи. - Флемстид, Маскелайн, Галлей и композитор из Ганновера... как они, должно быть, мечтали о таких вещах, запертые на Старой Земле и тянувшиеся к небесам ради знаний. И всё же я иногда завидую им, Линья.

- Завидуешь им? Почему? Мы знаем намного больше и обнаружили то, о чём они и мечтать не могли, не говоря о том, чтобы понять.

Виталий кивнул и нежно отправил тройную звезду назад. - Всё верно, но думаю, насколько поразительными были те времена. Когда всё что у тебя есть - полированное зеркало в деревянной трубе, и ты сидишь на морозном склоне, прижав к несовершенной линзе неэффективный органический глаз.

- Никаких отличий от Кватрии, - сказала Линья.

- Мы продолжаем работу, но начали её они, - упорствовал Виталий, чувствуя необходимость убедить дочь, какими великолепными были головокружительные дни ранней астрономии. -

Они первыми дотянулись до небес. Они отрицали модели геоцентрического мира и двигались к понятиям глубокого времени и расстояния. Они превратили астрономию в науку и поняли наше место в галактике. Боюсь, мы что-то забыли с тех пор.

Виталий отошёл от панели управления и шагнул сквозь формировавшуюся звёздную карту области за пределами галактической границы.

- Так редко у нас появляется возможность просто исследовать, - продолжил он. - Слишком часто наши работы извращаются империалистическими задачами: обнаружить системы, важные с военной точки зрения; найти миры с богатыми материальными ресурсами, регионы-житницы, пояса астероидов для перевалочных баз, или определить систему, подходящую для звёздных фортов. Как часто нам предоставляется возможность исследовать ради простого удовольствия и акта самого исследования? Такую редкую возможность нельзя упустить, Линья, мы должны воспользоваться ей и наслаждаться простыми радостями открытия.

Линья улыбнулась, и показалось, что тяжёлое бремя, если не исчезло полностью, то уже не так давило на её плечи.

- Конечно, ты прав, - сказала она. - Но мы всё равно должны делать свою работу, мы всё ещё должны найти мир с достаточно высокой плотностью минералов, чтобы утолить голод кузниц. Магосу Тарентеку и магосу Криптаэстрексу крайне необходимы новые материалы для ремонтных работ.

Виталий притянул другую систему с мягко светившим жёлтым карликом, который окружало скопление из дюжины планет, путешествовавших по разным эллиптическим орбитам. Три планеты располагались слишком близко к звезде, чтобы быть пригодными для жизни, а дальние семь являлись или огромными газовыми гигантами или закованными в лёд голыми камнями. Но четвёртая и пятая планета находились на стабильных орбитах в полосе космоса, где вода могла существовать в жидкой форме.

- Любая из них должна подойти, - произнёс Виталий. - Хотя, если бы мне пришлось выбирать, то я сказал бы, что четвёртая планета обладает лучшим соотношением риска к прибыли. Я взял на себя смелость назвать её Гипатия.

Линья улыбнулась. - Достойное имя, - согласилась она, используя рычаги приборной панели, чтобы навести фокусирующие линзы на выбранные отцом планеты. Без тактильных имплантатов для взаимодействия с ноосферными данными и получения необходимой информации ей приходилось полагаться на архаичные средства управления. Химический состав атмосферы планеты появился в мерцающих полосах света, вместе с результатами сканирования литосферы и океанов на наличие минералов ауспиками дальнего действия.

- На таком расстоянии большинство данных являются приблизительными, - сказала Линья. - Но, думаю, ты прав. Четвёртая планета похожа на то, что мы ищем. Выгрузить их магосу Криптаэстрексу?

- Да, уверен он будет признателен.

- Не думаю, что магистр логистики знаком с таким понятием, как признательность.

- Верно замечено, дорогая, - усмехнулся Виталий. - Полагаю, что магос Криптаэстрекс рассматривает складские палубы "Сперанцы", как личные владения и приходит в бешенство, когда люди осмеливаются просить то, что им нужно.

Виталий сложил руки за спиной и продолжил бродить среди постоянно обновлявшегося изображения космоса за пределами Млечного Пути. Прогулка по травленному кислотой полу сама собой привела его к тускло светившейся модели систем и миров, вращавшихся вокруг яркого солнца в центре невероятной геометрической звёздной решётки.

- И вот настала ваша очередь, мои таинственные друзья, - произнёс Виталий, разведя руки и увеличивая систему, которую экстраполяционное моделирование определило источником невообразимой энергии, запустившей возрождение Арктур Ультра.

- Скажи, Линья, - продолжил Виталий, посмотрев на дочь. - Ты всё ещё считаешь, что нет никакого разумного творца? Перед нами располагаются системы, прекрасное геометрическое положение которых прямо указывает на присутствие часовщика, скрытого или явного.

Линья отошла от старого контрольного терминала и встала рядом с отцом в окружении орбитальных систем. Каждая из них следовала в космосе по точно выверенной траектории, относительные скорости в куполе значительно увеличили, чтобы их взаимодействие стало более очевидным. Как планеты Империи вращались вокруг солнц в пределах звёздных систем, так и системы в свою очередь вращались вокруг сверхмассивной чёрной дыры в галактическом центре. И также как эти небесные тела двигались по своим орбитам, так и галактики путешествовали вокруг скоплений галактик или какого-то другого огромного центра массы.

- Россыпи звёзд и планет галактики не нужно проектировать, - ответила Линья. - Не важно, как они располагались при первом появлении. Только всеохватывающая сила тяжести, время, давление и множество других физических констант определяют развитие структуры вселенной. Ты знаешь это не хуже меня, зачем же спрашиваешь?

Виталий указал на упорядоченное движение и расположение звёздных систем вокруг центрального мира в энтоптически воспроизведённых проекциях.

- Подобное размещение, похоже, противоречит твоей гипотезе, - сказал он. - Это - явно спланированное размещение. И если эта система устроена согласно проекту, разве нельзя предположить, что она является частью универсального упорядоченного проекта? Возможно, такое упорядочивание существует, но у нас нет органов чувств или приборов, чтобы увидеть его?

- Адвокат дьявола? Серьёзно?

- Не стесняйся.

- Что же я согласна, что здесь есть видимость проекта, которая, в данном случае намекает на существование творца, но это нельзя распространять на остальную вселенную. Если архимагос Котов прав и мы действительно найдём на этой планете Телока...

- Крайне маловероятно, что это не окажется мир-кузня, учитывая окружающее уникальное излучение Механикус.

- Если это - мир-кузня, где мы найдём Телока, почему мы не можем почти ничего увидеть ни на нём, ни на окружающих его системах?

- Ты задаёшь правильные вопросы, - сказал Виталий, довольный, что Линья заметила недоработку в карте.

- Мы должны задать вопрос, что является источником, - сказала Линья, кивая, когда одно предположение поддерживало другое. - Большинство этих данных из когитаторов "Томиоки". И Телок вряд ли оставил бы все тайны своего мира-кузни на корабле, который собирался уничтожить.

- И...?

- И те крупницы информации, которые удалось спасти с Катен Вениа, выгружены Галатеей...

- Не самый надёжный рассказчик, если она вообще им когда-то была, - заметил Виталий.

- Тогда мы должны убедить Галатею предоставить доступ к исходным данным в её памяти.

- Думаешь, она согласится?

- Сомневаюсь, - призналась Линья. - Но раз нам приходится ставить под сомнение достоверность информации Галатеи, тогда вся эта карта является неточной. Мы не можем быть уверенными ни в чём на ней, даже в Гипатии.

- Я уже начал проверять области пространства для уточнения данных Галатеи, но пока эти специально упорядоченные системы не желают делиться секретами.

- Наши ауспики блокируют?

- Нельзя утверждать, что именно блокируют, - сказал Виталий. - Скорее затеяют слиянием странных сил, которые я не могу пока определить.

- Специально?

- Трудно сказать, дорогая, трудно сказать.

- Тогда нам тем более нужно поговорить с Галатеей.

Виталий повернулся к дочери и положил руку ей на плечо.

- Нет, Линья, - сказал он. - Это мы точно не должны делать. Галатея - очень опасное существо и если она специально исказила информацию об этих системах, то она заставит замолчать любого, кто усомнится в её искренности.

- Галатея спасла мне жизнь, - отметила Линья. - Если бы она хотела видеть меня мёртвой, то могла бы позволить боевому роботу убить меня.

- Я знаю об этом, - резко ответил Виталий, не желая вспоминать, как близко была Линья к смерти на борту "Томиоки". - И нам ещё не до конца понятно, как она смогла нейтрализовать командную кору роботов.

- Ты предпочёл, чтобы у неё не получилось?

- Разумеется, нет, но, пожалуйста, обещай мне, что ни в коем случае не обратишься к Галатее с нашими сегодняшними опасениями. По крайней мере, не раньше, чем мы поймём, почему она могла ввести нас в заблуждение.

Линья не отвечала, и Виталий повернулся её к себе. На немногих оставшихся органических чертах его лица виднелось искреннее беспокойство.

- Пожалуйста, Линья, обещай мне, - попросил он.

- Конечно, - ответила Линья. - Обещаю.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658594>